

Горн римского времени из Картала (к истории городища в III в. н.э.)

В 2007 г. на городище Картал был открыт горн для обжига керамики. Производственный комплекс обнаружен при раскопках на территории посада городища – участок «Северо-Восточный» раскоп I – примерно в 250 м к северо-востоку от акрополя (рис. 1; 2; табл. 1). Поскольку внутри горна находилось множество раздавленных сосудов (полтора десятка форм только восстановленных), то общая датировка объекта выглядела вполне очевидной. Горн функционировал в римское время.

Ниже приводится описание объекта.¹

Горн (рис. 3) состоял из загрузочной камеры с топочным отсеком (первоначально яма № 119), двух топочных отверстий, предтопочной ямы и ещё одной ямы, где, вероятно, происходила формовка сосудов (яма № 105). Последовательность открытия горна и понимания характера объекта была следующей. Первой была исследована яма № 105, назначение которой какое-то время оставалось непонятным. Контур ямы был зачищен на отметке – 1,0–1,1 м от современной дневной поверхности. В плане контур имел форму близкую к квадрату размерами 2,2–2,3 × 2,2 м. Глубина – 45–50 см от уровня фиксации контура. В южной-юго-западной части ямы было отмечено углубление, дно которого находилось ниже дна ямы № 105 на 20–25 см. При этом дно этого углубления плавно понижалось к югу в сторону топочных отверстий. Последние вначале были зафиксированы в виде округлых оранжевых пятен-колец на южной стенке ямы (табл. 2). В заполнении ямы № 105 были зафиксированы фрагменты керамики римского времени, в том числе и того типа, который впоследствии был обнаружен в загрузочной камере горна. Кроме того, был найден обломок черепицы первых веков. На этом первый этап изучения объекта закончился.

Второй этап начался после того, как у южного борта, на стыке кв. Б/В в 40–50 см от края ямы № 105, было зачищено тёмное полукруглое пятно – яма № 119 (рис. 2). Его решено было выбирать подбоем, без прирезки по борту. В результате такого вынужденно рационального подхода, в конечном итоге стало возможным восстановить свод загрузочной камеры (табл. 4). Однако вначале выборка заполнения ямы ничего необычного не обещала. Необычным была лишь предельная плотность керамических находок и их однотипность (сероглиняная гончарная керамика с проложенным орнаментом). Ситуация окончательно прояснилась после того, как пока-

¹ Каким-то образом фотографии горна и краткое описание объекта попали на страницы рекламно-научного издания проекта BSUDRA (Black Sea – Unity and Diversity in Roman Antiquity), финансируемого Европейским Союзом (Roman Art and Civilisation...2014: 203–205). Считаю необходимым сказать, что с автором раскопок – И.В. Бруяко, подобная акция согласована не была. Материалы были переданы молдавским коллегам В. Ворнику и С. Матвееву по их просьбе, и как было сказано, исключительно для частного ознакомления. Упомянутую публикацию можно было бы вообще считать провокационной, если учесть, что материал по Карталу подан в разделе, посвящённом археологическому наследию Республики Молдова. Впрочем, давно и хорошо зная наших коллег, мы полагаем, что вероятнее всего здесь имело место недоразумение такого свойства, которые не так уж и редки во взаимоотношениях между коллегами по археологическому цеху. Вероятно, находясь под сильнейшим впечатлением от увиденного, коллеги на время утратили контроль над ситуацией.

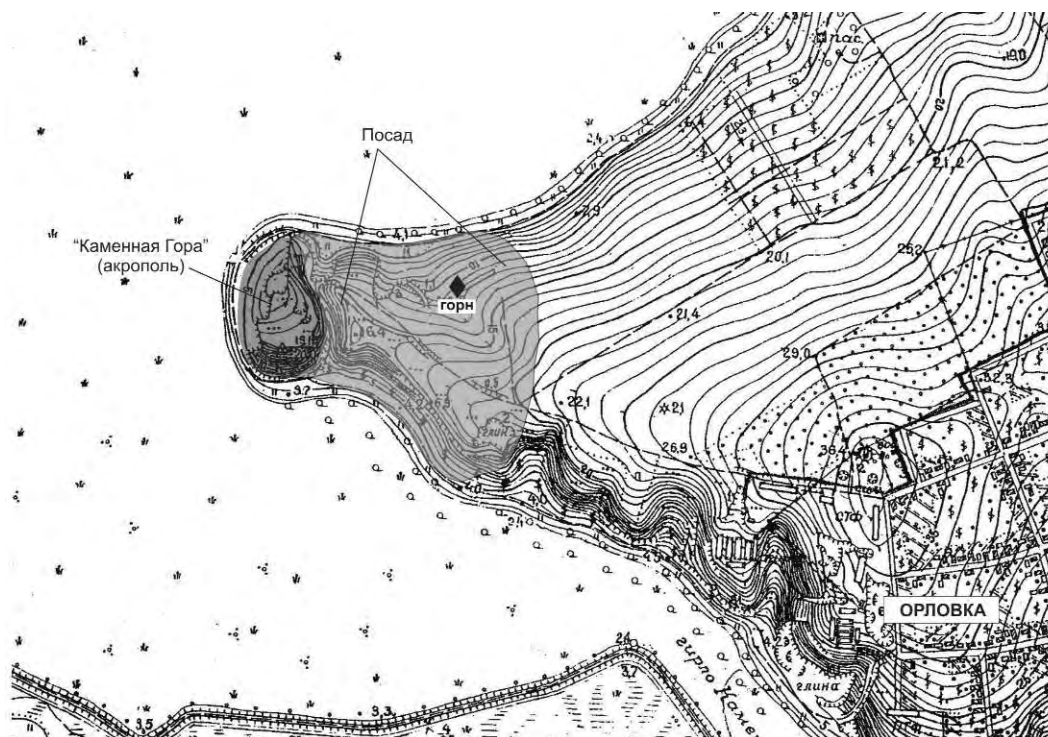

Рис. 1. Место расположения горна на территории памятника.

залось глинобитное дно ямы, буквально усеянное вертикальными отверстиями. Упорядоченная насыщенность этих отверстий явно не могла быть приписана сверхактивной деятельности землероек. И после недолгих размышлений мы пришли к выводу, что эти отверстия – отверстия-продухи. После этого стал понятен и характер кольцевидных прожогов на стенке ямы № 105 (табл. 2), которые были исследованы в последнюю очередь.

Загрузочная камера горна имела купольный абрис высотой до 70 см (рис. 2). Диаметр по дну – 1,5 м. Стенки камеры, обмазанные глиной, сохранились на высоту от 10 до 40 см. Под, хорошей сохранности, имеет толщину не менее 20 см. Мы не располагаем точными характеристиками пода и топочной камеры, поскольку сама печь не была разобрана.² Характер расположения отверстий-продухов, наличие двух топочных каналов позволяют уверенно говорить о том, что топочная камера состоит из двух отсеков, разделённых по линии север-юг материковым останцом. Топочные отверстия представляют собой каналы, стенки которых покрыты слоем обожжённой глины толщиной 3–4 см. При этом восточная топка в плане прямая, шириной 50–55 см. В разрезе она имеет подтреугольную форму с длинной вертикальной восточной стенкой (высота до 50 см) и закруглённым сводом, понижающимся с востока на запад. Длина канала – 60–70 см. Западная топка – дугообразная в плане. В разре-

² Учитывая хорошую сохранность объекта, он был законсервирован в надежде на то, что в обозримом будущем горн займёт место в музейной экспозиции.

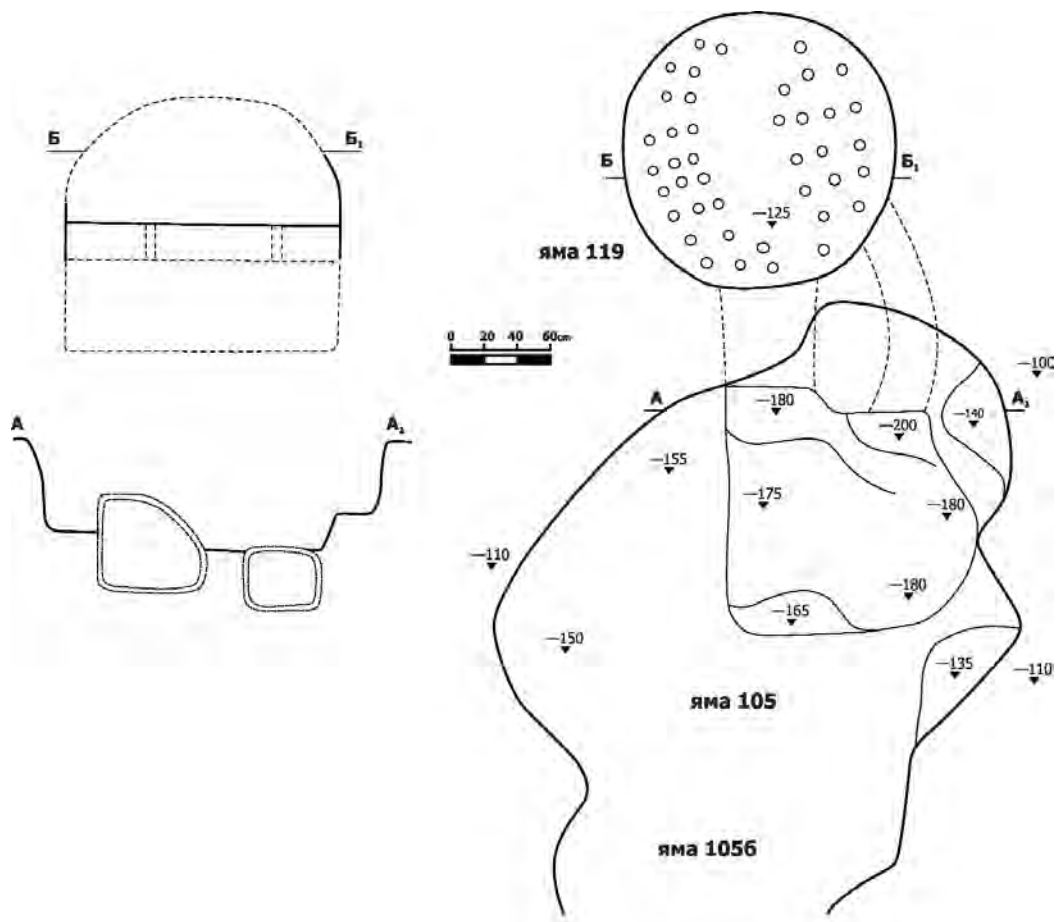

Рис. 3. План и разрез горна.

зе имеет форму прямоугольника с закруглённой верхней гранью (сводом). Длина канала около или чуть больше 1 м. Ширина – 30–40 см, высота – 30 см.

Горн по каким-то причинам был заброшен вместе с партией керамики, уже прошедшей процедуру обжига. Возможно, причиной было низкое качество продукции, среди которой попадаются лопнувшие в процессе обжига и слабо обожжённые формы сосудов. Вероятно, можно говорить о каких-то технологических нарушениях. Это, однако, не объясняет того, почему керамика осталась в печи, а горн не был расчищен для повторного использования. Тем более что стенки загрузочной камеры обожжены слабо. Цвет поверхности пода и стенок камеры почти не отличается от цвета утрамбованной глины. В заполнении топочных каналов практически нет древесного угля. Всё это свидетельствует о том, что горн эксплуатировался непродолжительное время.

Добавим ещё, что в восточном топочном канале попадались фрагменты ошлакованной керамики, а также черепки от других сосудов – амфоры, лепная керамика, фрагмент краснолаковой чаши. Вряд ли эти типы посуды производились на месте. Скорее всего, они сопутствовали грунту, которым был засыпан объект.

Говоря о конструктивных особенностях горна, мы не будем глубоко погружаться в историографию вопроса, поскольку совсем недавно это сделали наши молдавские коллеги в монографии, посвящённой открытию керамической мастерской на Среднем Пруте у с. Прутени. Скажем лишь, что по своим параметрам горн из Каргала входит в довольно большое семейство подобных объектов, открытых на территории к востоку и юго-востоку от Карпат, которые датируются II–III вв. н.э. (Vornic et al. 2007: 66, pl. 26). Данный тип печи для обжига керамики представляет собой горн с одной обжигательной (загрузочной) камерой, купольной (купольно-сводчатой?) в разрезе. Топочная камера, вероятно, имеет сплошную перегородку, которая делит её на 2 части. Для каждой из них имеется отдельный топочный канал. Из аналогичных объектов, открытых за последнее время, именно горны из Прутен имеют наибольшее сходство с нашей печью. В особенности это касается горнов № 3 и № 4, которые имеют по два топочных канала, выходящих наружу (Vornic et al. 2007: pl. 21, pl. 23).³

Керамика, обнаруженная в загрузочной камере горна, представлена одной категорией. Это сероглиняная гончарная посуда закрытых и открытых форм.

В группе *закрытых сосудов* выделяется 3 типа.

1. Амфоры (рис. 4, 1–4); размеры археологически целых форм укладываются в следующие диапазоны: высота – 41–46 см, диаметр тулова (макс.) – 23–27 см, диаметр устья (внешний) – 12–15 см, диаметр дна – 9–10 см.

2. Урны (рис. 4, 5, 7); реставрированный сосуд имеет высоту 41–42 см, диаметр тулова (макс.) – 24 см, диаметр устья (внешний) – 12,5 см, диаметр дна – 9,5 см.

3. Кувшины (рис. 4, 6); высота – 30 см, диаметр тулова (макс.) – 18,5 см, диаметр устья (внешний) – 12 см.

Все эти формы имеют ряд общих признаков:

- корпус удлиненно-овальный (т.н. овоидный) с более или менее покатыми плечиками;

- реберчатый валик на горле в месте его наименьшего диаметра;

- приострѐнный (клювовидный), отогнутый наружу край венчика.

Кроме того, подавляющее большинство закрытых форм украшено пролощенным орнаментом (сетчатый, волнистый, ёлочный). Ручки амфор и кувшина имеют желобчатое сечение.

Открытые формы более однообразны. Они представлены по сути одним типом – чаша-миска. Впрочем, этот тип достаточно вариабельный. В нём можно различать 3 варианта. *Первый* – это глубокие сосуды приземистого (рис. 5, 6–8), и более высокого силуэта (рис. 5, 2, 4–5). Стенки в нижней части выгнутые. Верхняя часть имеет широкий жѐлоб, образованный острым ребром и массивным, треугольным в разрезе венчиком, отогнутым наружу. *Второй* вариант имеет практически аналогичные характеристики, но вдобавок снабжѐн 3 горизонтальными полукруглыми ручками, а также имеет закраину для крышки (рис. 5, 1). В наборе присутствует и ещё один – *третий* вариант, представленный одной фрагментированной формой, которая, вероятно, принадлежит чаше-«фруктовнице» (рис. 5, 3).

Линейные параметры чаш-мисок весьма стандартные: 6 мисок имеют высоту от 10 до 11,5 см, диаметр устья (макс.) – от 25,5 до 26,5 см (рис. 5, 3–8); 2 других наи-

³ Целая серия таких же по конструкции горнов открыта на севере дакийского ареала в верховьях Тисы (Котигорошко 2008: 218–219, рис. 53).

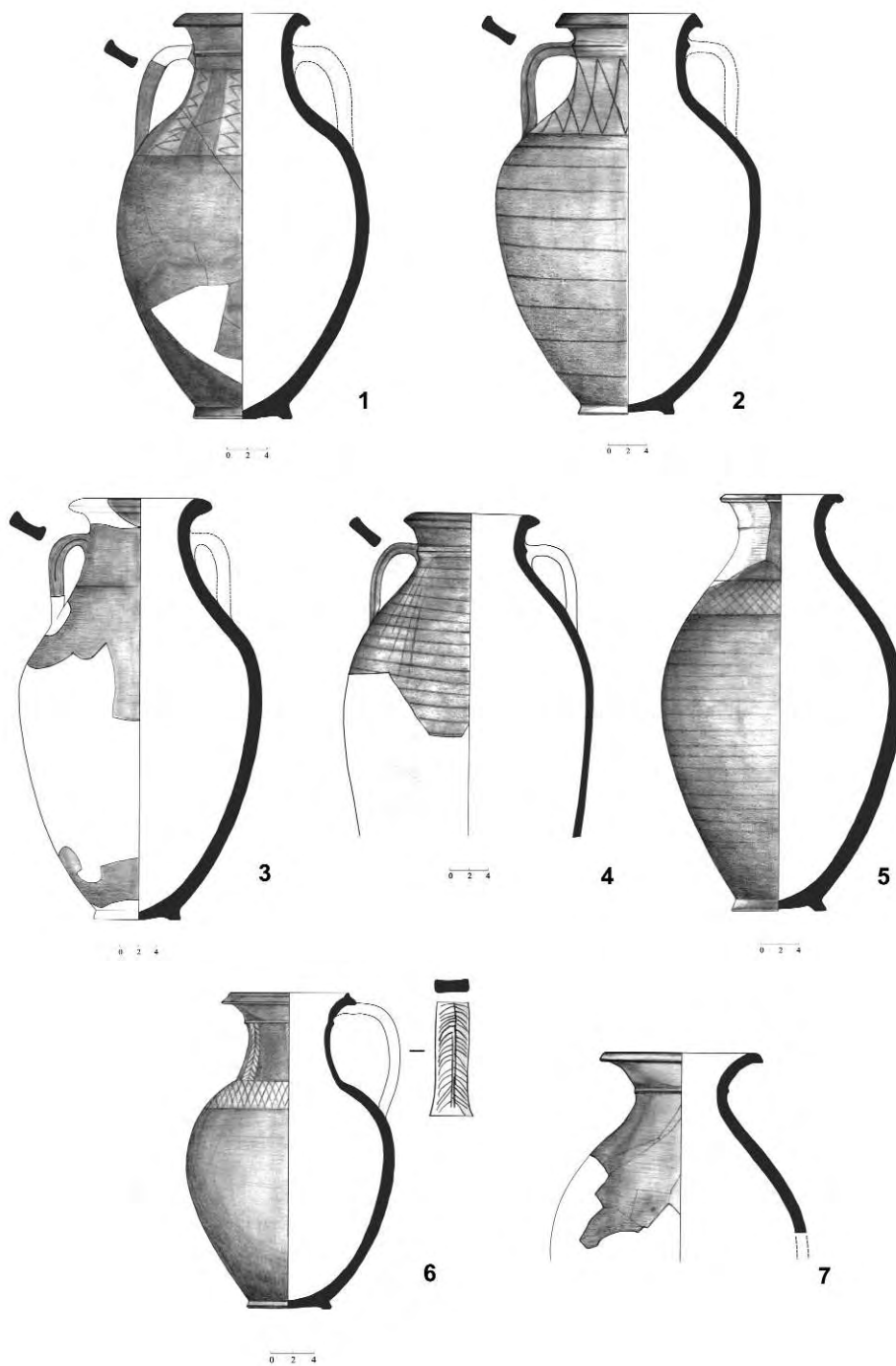

Рис. 4. Закрытые формы из горна.

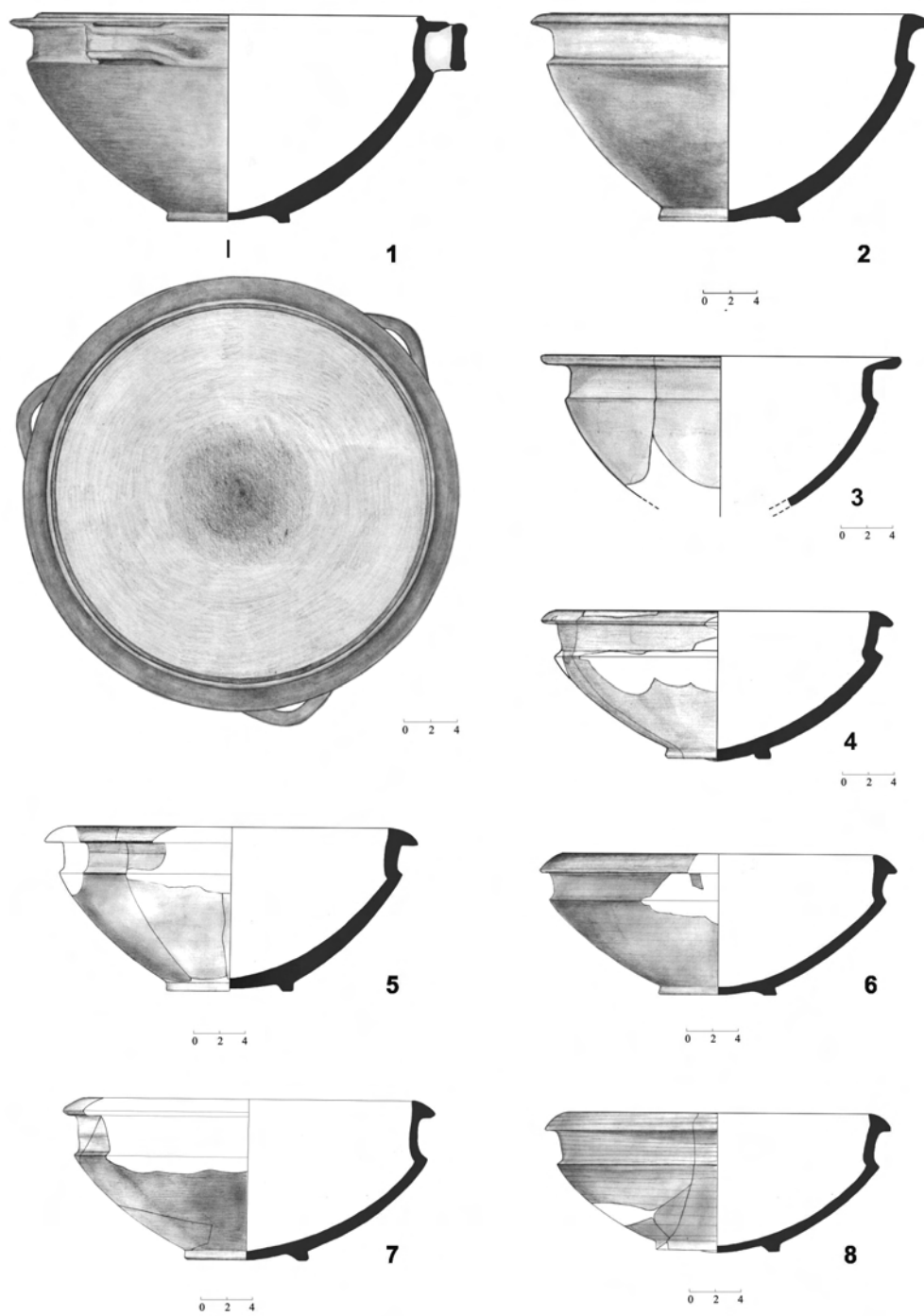

Рис. 5. Открытые формы из горна.

более крупных сосуда этой серии – соответственно 15–15,5 см и 30–31,5 см (рис. 5, 1–2).

Поиск аналогий формам из Картала не составляет особого труда благодаря наличию ряда общих работ, в которых приводится весь керамический комплекс обширного ареала карпо-дакийских племён во II–III вв. н.э. (Bichir 1976; Ignat 1999; Vornic et.al. 2007).

Характерной особенностью керамики из Картала, отличающей её от синхронных коллекций сероглиняной гончарной керамики, является профилировка закрытых сосудов. Прежде всего, это касается амфор. Основные типы амфор из карпо-дакийских памятников имеют цилиндрическое или слегка коническое горло и валикообразный венчик (рис. 7, 6–9). Ещё один довольно распространённый вариант имеет высокий воротникообразный край с горизонтальными желобками (Vornic et.al. 2007: 84, 87, fig.1/5; 3/1–8).⁴ Амфоры из Картала имеют выраженное вогнутое горло с острым треугольным валиком и резкий, клювовидный профиль венчика. В целом, они сочетают в себе черты двух форм сероглиняной керамики карпо-дакийского комплекса – урн и собственно амфор. От первых (сосуды без ручек типа молочных кринок) заимствованы общий плавный абрис тулова, а также профилировка горла и венчика. Такие урны были выделены Г. Бикиром в тип а/3 (Bichir 1976: 59, pl. LXXII–LXXIII). Парные ручки, собственно, и определяют тип сосудов как амфоры. Похожие амфоры известны в репертуаре карпо-дакийских форм, но там они имеют иную, отличную от наших, профилировку горла и венчика. Абрис ручек и особенно их сечение указывают на амфоры типа а/1 и а/2 по классификации Г. Бикира – они желобчатые, либо двусторонние восьмёрковидные, или односторонние седловидные (Bichir 1976: 68; табл. CXIV/1; CXV/2).

Интересно, что амфоры, подобные сосудам из Прутен, в Картале есть (рис. 6). Но они происходят из комплексов поселения на посадке, т.е. синхронны времени существования римского форта.

Урны из горна, как уже было указано, в целом соответствуют типу а/3, куда входят сосуды с удлинённым туловом, широким, горизонтально отогнутым краем и рельефным острым валиком ниже края или на плече (Bichir 1976: 59). Пожалуй, именно урны являются той формой, появление которой у карпов и даков из репертуара латенской керамики кажется наиболее очевидным.

Для кувшина из Картала имеются точные аналогии на памятнике Пояна-Дулчешти (Варницэ) на правом берегу Среднего Сирета (Bichir 1976: 71, табл. CXLIII/4). Это кувшины 1 и 2 типа с богато декорированной поверхностью. Данная форма также считается латенским (гето-дакийским) наследием, а оформление сложного профиля венчика – результатом римского влияния (Bichir 1976: 71).

По сравнению с закрытыми сосудами, миски из Картала имеют значительно больше сходства с мисками из других синхронных памятников карпо-дакийского

⁴ Амфоры с вертикальным профилем венчика известны и на других памятниках т.н. «свободных даков» (Ignat 1999: fig. 11). В целом же, источник появления амфор в репертуаре сероглиняной керамики карпов (даков) окончательно не выявлен. В наборе такой керамики из античных поселений Северо-Западного Причерноморья (Ольвия, Тира), судя по соответствующим публикациям, амфор нет (Гудкова 1979; Гудкова, Крапивина 1988). В этой связи интересной кажется находка сероглиняной амфоры с пролощенным орнаментом из Никония (рис. 7, 10). Высота амфоры 48 см, максимальный диаметр корпуса – 26–27 см, диаметр устья (внешний) – 14–14,5 см. Сосуд был обнаружен в 1994 г. в заполнении полуземлянки 192 римского времени (хранится в ОАМ, инв. № 91517).

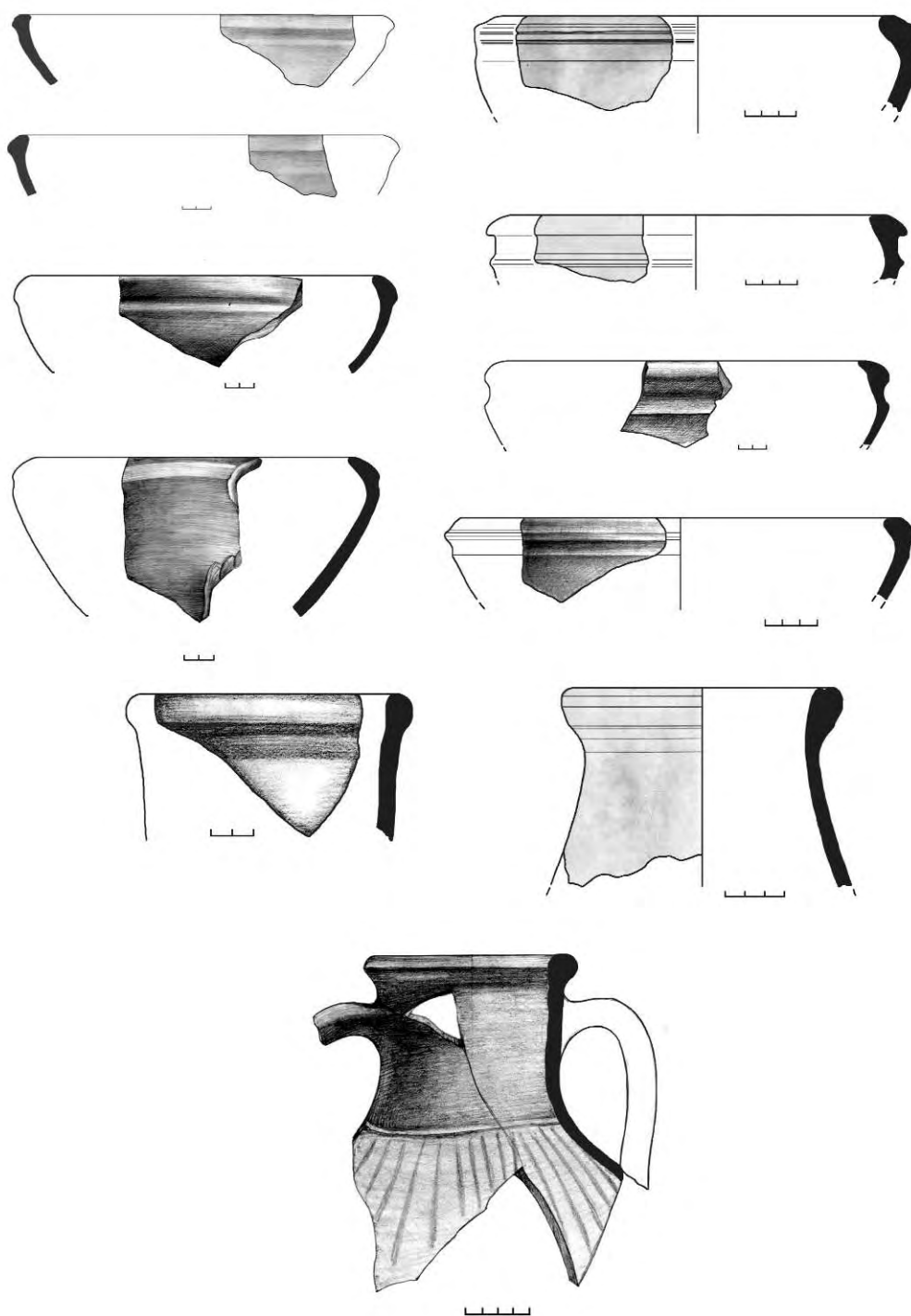

Рис. 6. Сероглиняная гончарная керамика из комплексов посада городища Каргал.

ареала и в частности из Прутен (рис. 7). В первую очередь обратим внимание на тип 2 (Vornic et al. 2007: 81–82). Хотя наша группа мисок не выглядит однородной настолько, чтобы её полностью включить в данный тип. Как уже отмечалось, большинство мисок из Картала имеют довольно резкий, ломаный профиль и глубокую, чашеобразную нижнюю часть с выгнутыми стенками.

Это же касается и трёхручной чаши. Она практически в точности повторяет профиль остальных мисок и отличается от вероятных аналогов из Прутен, на которые указывают авторы монографии (Vornic et al. 2007: 83–84). Эти аналогии, на наш взгляд, весьма приблизительные. Так, миска из Прутен двухчастная, причём, нижняя половина усечённо-коническая, а верхняя – прямостенная, цилиндрическая. Ручки восстанавливаются по остаткам прилепа (Vornic et al. 2007: fig. 10, 16).

Тем не менее при известной оригинальности керамический комплекс из Картала имеет весьма близкие параллели в ареале памятников карпо-дакийской культуры.⁵

Определив этнокультурную принадлежность горна из Картала, попытаемся уточнить его датировку.

Для этого нужно выяснить, когда и при каких обстоятельствах карпы могли оставить вполне материальные следы своего пребывания на посаде городища Картал. Обратимся к хронологии самого памятника в тот период, когда здесь располагалось римское предместное укрепление. Согласно последним исследованиям, включая раскопки на посаде городища за последние 10 лет, хронология римского кастеля у с. Орловка представляется следующей. Падение гето-дакийской крепости на «Каменной Горе» и ее дальнейшая перестройка римлянами в предместное укрепление, вероятнее всего, имели место во времена мезийского наместничества Плавтия Сильвана (60–69 гг. н.э.). Около 100 г. н.э. на территории, непосредственно примыкающей к цитадели, начинает формироваться структура предградья (посада) форта. Гибель крепости связывается с «готскими» или «скифскими» войнами 238 либо 248 гг. (см.: Бруяко, Дзиговский, Денисюк 2011: 346; Бруяко, Дзиговский 2013: 543 и сл.). Следовательно, время существования римского предместного укрепления у с. Орловка определяется в рамках конца второй трети I – второй четверти III вв. н.э. (60/69 – 238/248 гг.). И поскольку крайне сложно представить себе, что карпы могли поселиться в предместье римского кастеля в этот период, верхняя хронологическая граница последнего и может являться *t. p. quiet* появления карпского населения на посаде городища Картал.

Согласно информации письменных и эпиграфических источников, на протяжении большей части III в. н.э. (до периода тетрархии), карпы были действенной военной силой, представлявшей собой постоянную угрозу безопасности границ отдельных дунайских провинций Империи. Так, в частности в 214 г. они совершили нападение на некоторые греческие города Южной Добруджи (Маркианополь, Дионисополь, Каллатис), однако были разбиты под Тирой, когда возвращались на родные земли кружным путем (Карышковский 1980: 72–83; Бруяко, Росохацкий 1989; 1990). В 238 г., при императорах Пупиене и Бальбине, «...Карпы воевали с Мисийцами; к тому же времени относится начало Скифской войны...» (Dexipp. Fr. 13). В том же 238 г. «народ карпы, завидуя, что готы получали ежегодно от римлян дань, отправи-

⁵ Для нас так и осталось неясным, следует ли считать этноним «карпы» и этнохороним «свободные даки» синонимической парой или нет? Кажется, в этом вопросе нет полной определённости (см., напр.: Шаров, Бажан 1999: 36–37).

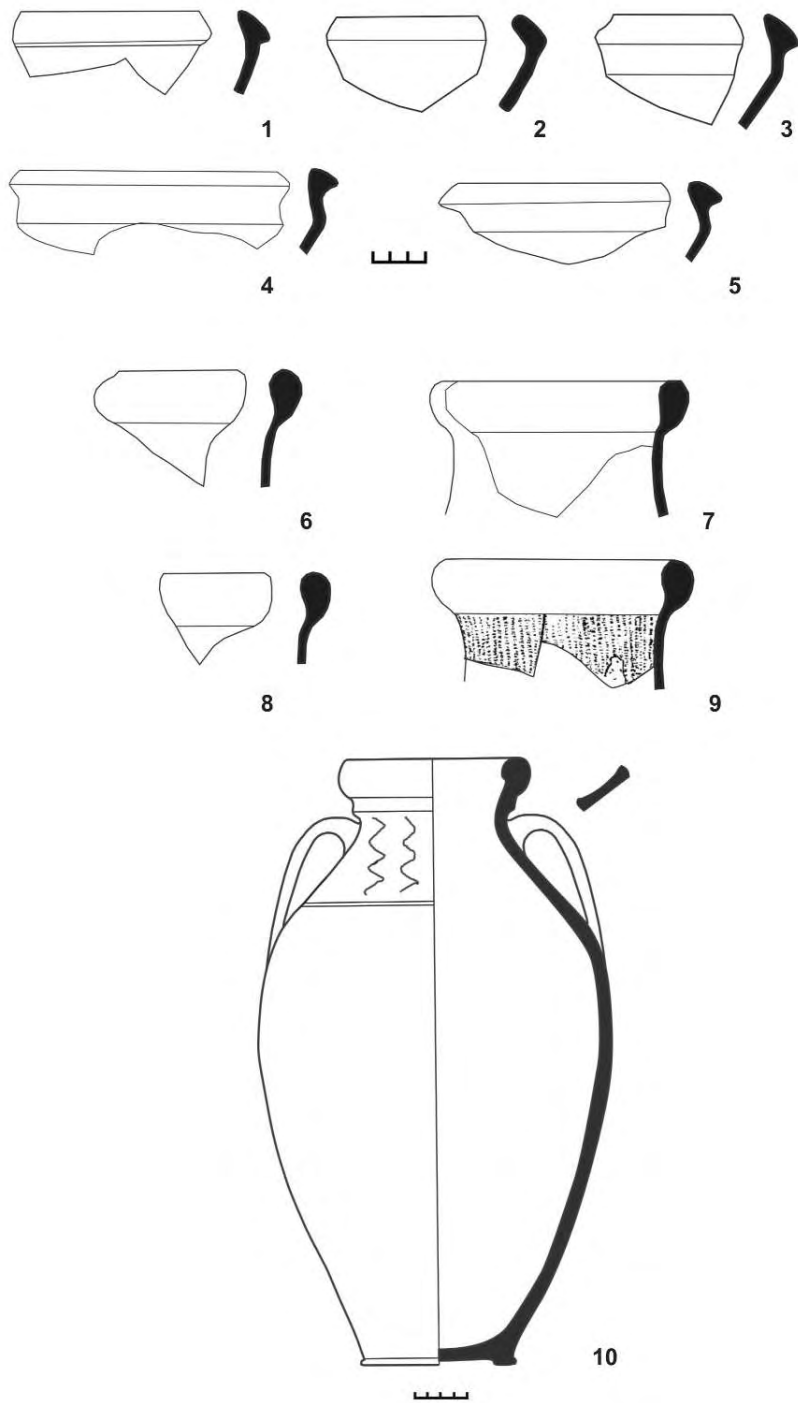

Рис. 7. Сероглиняная амфора из Никония (10) и формы из Прутьень.

ли посланников к Туллию Менофилу и с гордостью потребовали денег. Тогда Менофил был дуком Мисии [Мезия]». Наместнику провинции Нижняя Мезия путем различных проволок и ухищрений удалось отказать карпам и они «...удалились в досаде и в продолжение трехлетнего управления Менофила [238–241 гг.] оставались в покое» (Petr. Patric. Fr. 7). В 248 г. король готов Острогота, присоединив к трем тысячам карпских воинов «...готов и певкинов с острова Певки, который лежит при устьях Данубия, впадающего в Понт, он [Острогота], поставил вождями во главе [всех этих племен] Аргаита и Гундериха, знатнейших людей их [готов] племени. Вскоре они перешли вброд Данубий, вновь опустошили Мезию и подступили к главному городу той страны, славному Маркианополю. Они долго его осаждали, но, получив выкуп от осажденных, отошли» (Iord. Get. 90–93). В 251 г. император Деций «выступил против Карпов, которые тогда заняли Дакию и Мезию, тотчас был окружен варварами и уничтожен с большей частью своего войска, причем не мог даже удостоиться чести погребения, но лишенный доспехов и голый, как и подобало врагу Божию, лежал на съедение зверям и птицам» (Lact. De mort. pers. 4).

Несколько позднее, очевидно, ранней осенью 272 г., император Аврелиан «Умиротворив Восток... победоносно возвратился в Европу и там разбил толпы Карпов». (SHA, Aurel., 30). И только лишь при Диоклетиане (284–305 гг.) «...разбиты были и Маркоманны, и весь народ Карпов был переведен в нашу страну; часть их [карпов] однако была переведена уже Аврелианом». (Aug. Victor. De Caesarib. XXXIX, 43). О подчинении карпов и переселении в пределы Империи значительного числа их пленных упоминает также Евтропий: «Галерий Максимиан (293–311 гг.) и Диоклетиан вели одну за одной разные войны и вместе и поодиночке, подчинили Карпов и Бастарнов, победили Сарматов и поселили в Римских пределах огромные массы пленных из этих народов.» (Eutrop. IX, 25). Практически эти же сведения сообщает и Павел Орозий: «Впоследствии те же вожди [Констанций (293–306 гг.), Максимиан (286–305 гг.; 307–310 гг.) и др.] храбро сражались против Карпов и Бастарнов; затем они победили Сарматов и распределили огромное количество пленных по пограничным римским крепостям» (Oros. VII. 25, 12).

Исходя из хронологии значимых событий военно-политической истории карпов III в. н.э. и в связи с исследуемым вопросом, наибольший интерес представляет информация нарративных источников о победе императора Аврелиана над карпами в 272 году. Дело в том, что отмеченное сражение либо серия сражений произошли в Нижней Мезии, когда карпы в очередной раз прорвали нижнедунайскую границу и глубоко проникли в римские владения (Ременников 1967: 190, 191). Конкретизируется даже место этих сражений – в Северной Добрудже, между Карсиумом и Суцидавой (Vulpe, Barnea 1968: 273, 274; Карышковский, Клейман 1985: 137). Именно после данных событий, в ходе которых карпы потерпели сокрушительное поражение, какая-то их часть, состоящая главным образом из пленных, и была поселена на этих землях (Vulpe, Barnea 1968: 273; см. также: Чаплыгина 1990: 41; Колосовская 2000: 150). Это вполне определенно следует и из сообщения Аврелия Виктора. Очевидно, именно тогда недалеко от Карсиума (совр. Хыршова) и возник тот *Vicus Carporum*, о котором значительно позже упоминает Аммиан Марцеллин, повествуя о том, что в 368 г. император Валент, собираясь совершить очередной поход против готов, из-за разлива Дуная не смог переправиться через него, вследствие чего «...оставался на одном месте до глубокой осени в постоянном лагере, который разбил близ одного селения карпов» (Amm. Marc. XXVII. 5, 5; см. об этом: Bichir 1976:

155, 171). Кроме того, вовсе не исключено, что во времена Аврелиана и Диоклетиана римляне действительно расселяли карпов в Добрудже и Олтении, преимущественно поблизости от римских укрепленных пунктов, с целью постоянно держать варваров в поле зрения, а также чтобы использовать их как рабочую силу в различных делах, требовавшихся для укрепления лимеса (см.: Vichir 1976: 155–156). Данный вывод, который, заметим, подтверждается как сведениями письменных источников, так и археологическими материалами, заслуживает самого серьезного внимания, поскольку, кроме всего прочего, он еще дает и вполне очевидные основания предполагать, что в отмеченный период какие-то отдельные группы этого населения могли поселиться и на левом берегу Дуная, в частности на посаде городища Картал. Известно, к примеру, что одно из таких поселений карпов располагалось возле римской крепости Новиодунум (Vichir 1976: 157), которая находилась на правом берегу Дуная напротив современного с. Орловка (Картал).

Как долго карпы обитали на посаде уже покинутого римского форта, сказать сложно. Возможно, они вынуждены были покинуть эти места в начале второй трети IV в. н.э., когда в Буджаке массово появляется черняховское население (Гудкова 1999: 366–367; Васильев 2008: 9). Возможно, это событие произошло раньше – в самом конце первой четверти IV в. н.э., когда император Константин Великий разбил савроматов Равсимода (Zosim. 2, 21), «затеявших... мятеж в Скифии» (DAI. 53. 18; об этом см.: Зубарь 1994: 122, 123; 1998: 156, 157). Предполагается, что финальный эпизод этого конфликта 324 г. произошел уже на левом берегу Дуная, в юго-западной части Буджака (Дзиговский 2003: 202, 203; 2005: 184), что также могло послужить причиной ухода карпов с насиженных мест. В любом случае допускать существование карпского выселка на посаде городища Картал позже рубежа 30-х – 40-х годов IV в. н.э. вряд ли будет правомерным.

Литература

Бруяко И.В., Росохацкий А.А. 1989. К исторической интерпретации эпиграфических материалов из могильника Беленькое // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса.

Бруяко И.В., Росохацкий А.А. 1990. К политической истории Нижнего Поднестровья в первой четверти III в. н.э. (по эпиграфическим материалам из могильника Беленькое) // Древнее Причерноморье. М-лы I чтений, посв. памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса.

Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Денисюк В.Л. 2011. Амфоры римского времени из раскопок городища Картал (участок «Картал-посад») // МАСП. Вып. 12. Одесса.

Бруяко И.В., Дзиговский А.Н. 2013. Городище Картал (римский кастель у с. Орловка) // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.

Васильев А.А. 2008. Сарматы та черняхівське населення Буджака в другій половині III – на початку V ст. н.е. Автореф. дис... канд. іст. наук. К.

Гудкова А.В. 1979. Классификация сероглиняной столовой керамики Тиры II–IV вв. н.э. // Античная Тира и средневековый Белгород. К.

Гудкова А.В. 1999. I – IV века в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // *Stratum plus*. № 4.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1988. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Античные древности Северного Причерноморья. К.

Дзиговский А.Н. 2003. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса.

- Дзиговский А.Н. 2005. Об одном фрагменте из «Новой истории» Зосима // Наук. зап. МДУ ім. В.О. Сухомлинського. Вип. XI.
- Дзиговский А.Н. 2013. Сарматы // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Зубарь В.М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. К.
- Зубарь В.М. 1998. Северный Понт и Римская империя. К.
- Карышковский П.О. 1980. Из истории Тира в первой трети III в. н.э. // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. К.
- Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. К.
- Колосовская Ю.И. 2000. Рим и мир племен на Дунае I – IV вв. н.э. М.
- Котигорошко В.Г. 2008. Верхне Потисся в давнину. Ужгород.
- Ременников А.М. 1967. Борьба племен Подунавья с Римом в 70-х годах III в. н.э. // Античное общество. М.
- Чаплыгина Н.А. 1990. Население Днестровско-Карпатских земель и Рим в I – начале III вв. н.э. Кишинев.
- Шаров О.В., Бажан И.А. 1999. Черняховские этюды // *Stratum plus*. № 4.
- Bichir G. 1976. *Archaeology and History of the Carpi* // *BAR Suppl. Ser. 16 (I). Part 1–2*. Oxford.
- Ignat M. 1999. *Dacii liberi din Moldova. Contribuții arheologice. Necropolele de la Podeni și Zvorâștea*. Iași.
- Roman Art and Civilization – a Common Language in Antiquity. 2014. *Catalog of the itinerant exhibition*. Tulcea.
- Vornic V., Telnov N., Bubulici V., Ciobanu L. 2007. Pruteni. Un centru de olărie dacic din epoca romană (cercetările din 2001 și 2003). Chișinău.
- Vulpe R., Barnea I. 1968. *Romanii la Dunărea de Jos* // *Din istoria Dobrogei*. Vol. II. București.

I.V. Bruyako, A.N. Dzigovski

**The pottery kiln of the Roman time from Kartal
(to the history of the hillfort Kartal in the 3rd century A.D.)**

In 2007 during the excavation on site Kartal the ceramic furnace was found. There were broken vessels in the loading cavity. All of them belonged to the category of the grey fictile pottery. In vessels collection there are distinguished of two main types – closed and open forms. According to the types of pottery the forge belonged to the Carpic-Dacian people, who inhabited on the territory of roman fort outskirts in the second half of III – the beginning of IV centuries A.D. At that time the fort was already neglected.

Табл. 1. Участок раскопа I/2007 с комплексом горна.

Табл. 2. Горн перед расчисткой топочных каналов.

Табл. 3. Горн после окончательной расчистки.

Табл. 4. Загрузочная камера горна.